

Историческое развитие коренных малочисленных народов Средней Сибири: проблемы методологии и концептуализации

В.А. Кудашкин

ФГБОУ ВО «Братский государственный университет»

kudashkinslava@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6682-6970>

Статья поступила 04.05.2026, принята 07.06.2026

Статья посвящена теоретико-методологическому осмыслению исторического развития КМН Средней Сибири (на примере Иркутской области и Красноярского края) во второй половине XX – начале XXI века. В условиях методологической трансформации современной исторической науки, характеризующейся междисциплинарным синтезом и обращением к микроисторическому анализу, истории повседневности и антропологически ориентированным подходам, исследование коренных этносов требует выработки целостной концептуальной рамки, способной интегрировать разнородный эмпирический материал и теоретические модели. Автор прослеживает эволюцию научного изучения коренных народов в отечественной историографии – от классических этнографических описаний и макроисторических схем советского периода к современному методологическому плюрализму, представленному трудами ведущих научных центров и региональных школ (красноярской школы культурологов под руководством Н.П. Концевой, исследований историка В.П. Кривоногова, методологии М.Д. Северьянова, иркутской школы З.И. Рабецкой, братской исторической школы В.И. Сверчкова, В.А. Кудашкина и А.А. Дюпина). Обосновывается выбор теории модернизации как наиболее адекватного исследовательского инструмента, позволяющего, в отличие от формационного детерминизма и культурного эссенциализма цивилизационного подхода, анализировать сложные, нелинейные процессы взаимодействия традиционных обществ с внешними модернизационными импульсами. Особое внимание уделяется роли государства как главного актора модернизации, прослеживается эволюция государственной политики от советского этатизма, направленного на тотальное преобразование традиционного уклада, к постсоветскому амбивалентному симбиозу правового прогрессивизма и ресурсно-управленческого прагматизма. В качестве авторского теоретического вклада предлагается концепция адаптационно-гибридной модернизации, фиксирующая способность коренных сообществ к избирательному, селективному освоению инноваций при сохранении фундаментальных основ традиционного мировоззрения и социальной организации, что ведёт к возникновению устойчивых гибридных форм жизнеобеспечения, сочетающих элементы нового уклада с традиционными практиками. Эвристический потенциал концепции раскрывается на примере различных культурно-бытовых типов хозяйства – таёжных охотников-тофаларов, горно-таёжных эвенков и арктических оленеводов-долган, демонстрирующих единую логику адаптационных процессов при всем многообразии конкретных форм их реализации. Статья обобщает результаты четвертьвекового исследовательского пути автора и содержит благодарность учителям, определившим вектор его научного поиска.

Ключевые слова: методология исторической науки; теория модернизация; коренные малочисленные народы Средней Сибири; адаптационно-гибридная модернизация.

Historical development of indigenous small-numbered peoples of Central Siberia: methodological problems and conceptual frameworks

V.A. Kudashkin

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

kudashkinslava@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6682-6970>

Received 04.05.2026, accepted 07.06.2026

The article is devoted to the theoretical and methodological understanding of the historical development of the indigenous small-numbered peoples of Central Siberia (exemplified by the Irkutsk Region and Krasnoyarsk Krai) in the second half of the XX – early XXI centuries. In the context of the methodological transformation of modern historical science, characterized by interdisciplinary synthesis and an appeal to microhistorical analysis, the history of everyday life, and anthropologically oriented approaches, the study of indigenous ethnic groups requires the development of a holistic conceptual framework capable of integrating heterogeneous empirical material and theoretical models. The evolution of the scientific study of indigenous peoples in Russian historiography is traced – from classical ethnographic descriptions and macrohistorical schemes of the Soviet period to modern methodological pluralism, represented by the works of leading scientific centers and regional schools (the Krasnoyarsk school of cultural studies led by N.P. Koptseva, the research of V.P. Krivonogov, the methodology of M.D. Severyanov, the Irkutsk school of Z.I. Rabotskaya, and the Bratsk historical school of V.I. Sverchkov, V.A. Kudashkin, and A.A. Dyupin). The choice of modernization theory is substantiated as the most adequate research tool, which, unlike formational determinism and the cultural essentialism of the civilizational approach, allows for the analysis of complex, non-linear processes of interaction between traditional societies and external modernization impulses. Special attention is paid to the role of the state as the main actor of modernization; the evolution of state policy is traced from Soviet etatism, aimed at the total

transformation of the traditional way of life, to the post-Soviet ambivalent symbiosis of legal progressivism and resource-management pragmatism. As the author's theoretical contribution, the concept of adaptive-hybrid modernization is proposed, which captures the ability of indigenous communities to selectively adopt innovations while preserving the fundamental foundations of their traditional worldview and social organization, leading to the emergence of stable hybrid forms of subsistence that combine elements of the new order with traditional practices. The heuristic potential of the concept is revealed through examples of various cultural and economic types of economy – the taiga hunters of the Tofalars, the mountain-taiga Evenks, and the Arctic reindeer herders of the Dolgans – demonstrating a unified logic of adaptive processes amid the full diversity of their specific forms of implementation. The article summarizes the results of the author's quarter-century research journey and contains gratitude to the teachers who determined the vector of his scholarly pursuit.

Keywords: methodology of historical science; modernization theory; indigenous small-numbered peoples of Middle Siberia; adaptive-hybrid modernization.

Введение. Современная историческая наука переживает период глубокой методологической трансформации, вызванной не только внутренней логикой развития дисциплинарного знания, но и активным вторжением исследовательских практик и теоретических моделей из смежных областей гуманитаристики – антропологии, социологии, культурологии, лингвистики и философии. Это движение в сторону междисциплинарности, ставшее одной из доминант гуманитарного познания на рубеже XX–XXI вв., открыло перед историками новые горизонты: отказ от жёстких позитивистских схем в пользу микроисторического анализа, внимание к «человеку с его исторической памятью», интерес к повседневности, механизмам коллективной идентичности и символическим структурам прошлого.

Изучение истории коренных малочисленных народов (далее КМН) представляет собой область, где междисциплинарный подход становится не просто исследовательской модой, а насущной необходимостью, продиктованной самой природой объекта изучения. Межнациональные отношения в регионах проживания КМН всегда отличались особой сложностью и многогранностью, а в условиях современной глобализации, унификации культурных стандартов, промышленного освоения территорий и миграционных процессов эта сложность только возрастает. Традиционный уклад, языки, верования и социальная организация коренных этносов испытывают комплексное воздействие множества факторов. Исторические процессы здесь переплетаются с лингвистическими, культурными, экономическими и правовыми изменениями, что требует от исследователя широкого междисциплинарного подхода, выходящего за рамки одной научной дисциплины.

Долгое время коренные малочисленные народы (КМН) изучались преимущественно лингвистами, филологами, культурологами и этнографами, тогда как их историческая составляющая оставалась на периферии внимания – главным образом из-за скудности и фрагментарности традиционных архивных источников. В этих условиях особую ценность приобретают полевые записи, экспедиционные дневники и отчёты исследователей XIX–XX веков. Их критическое переосмысление и введение в научный оборот с применением междисциплинарных подходов открывает новые перспективы для восполнения исторических лакун.

Методология. Основу методологии данного исследования составляет синтез классических исторических методов с современными междисциплинарными подходами, позволяющий комплексно реконструировать процессы развития КМН Средней Сибири во второй поло-

вине XX – начале XXI века. Историко-генетический метод применяется для прослеживания эволюции социальных институтов, хозяйственных практик и этнической идентичности тофаларов, эвенков и долган в контексте смены исторических эпох – от позднего социализма через постсоветский транзит к современности. Сравнительно-исторический метод даёт возможность сопоставить траектории адаптации различных этносов к сходным модернизационным воздействиям, выявляя как общие закономерности, так и факторы, определявшие специфику реакций каждого сообщества. Институциональный анализ ориентирован на изучение гибридных социальных форм, возникавших на пересечении государственных инициатив и традиционных структур (колхозы на базе родовых общин, современные родовые общины в условиях рынка). Микроисторический подход позволяет через анализ отдельных семейных стратегий и биографий реконструировать невидимые на макроуровне механизмы адаптации и сопротивления. Теоретической рамкой, интегрирующей эти методы, выступает концепция адаптационно-гибридной модернизации, развивающая идеи множественных модерностей Ш. Эйзенштадта и позволяющая рассматривать взаимодействие традиции и современности как сложный, многовариантный процесс взаимного приспособления и творческой трансформации, а не как линейное замещение одного другим.

Основная часть. История изучения КМН в России имеет глубокие традиции, восходящие к трудам Императорского Русского географического общества, но институциональное оформление эти исследования получили в советское время. Лидером стал Институт этнографии АН СССР (ныне ИЭА РАН), где работали С.А. Токарев, Б.О. Долгих и И.С. Гурвич. В Ленинграде действовал Институт народов Севера, готовивший национальные кадры. В Сибири ведущим центром был Институт истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне Институт истории СО РАН) под руководством А.П. Окладникова, а новосибирская школа этнографии (З.П. Соколова, Ю.Б. Симченко, В.А. Туголуков) развивала методы полевых стационарных исследований. В Иркутске и Красноярске сформировались центры по изучению конкретных этносов Восточной Сибири.

Методология советской и постсоветской историографии КМН эволюционировала от доминирования формационного подхода (теория «перехода от патриархально-родового строя к социализму») к более гибким моделям. Ключевыми направлениями стали этногенез и этническая история (синтез лингвистики, антропологии, археологии), а также историческая этнография,

изучавшая традиционные институты и практики. Исследования советской модернизации прошли путь от апологетики к критическому осмыслению последствий коллективизации и перевода на оседлость. В постсоветский период методологический арсенал обогатился за счёт исторической антропологии, микроистории и истории повседневности, позволивших сместить фокус с «больших процессов» на жизненные истории конкретных людей. Так отечественная наука прошла путь от этнографического описания через макроисторию к методологическому плюрализму.

Современный этап исследований КМН характеризуется методологическим плюрализмом, где классические подходы обогащаются новыми стратегиями из социальных и гуманитарных наук [9; 14; 15]. На передний план выходят методологии, позволяющие сместить фокус с макроистории на анализ конкретных жизненных миров и адаптации коренных сообществ [1; 5; 17]. Особую значимость приобретает микроисторический подход, реконструирующий, как глобальные процессы преломлялись в судьбах людей, позволяя услышать «голоса снизу» [4; 9]. В тесной связи с ним развивается история повседневности, исследующая рутинные практики быта, труда и досуга [9; 16]. Важнейшим инструментом становится устная история, фиксирующая свидетельства старшего поколения о событиях XX века [5; 7; 16].

Активно заявляет о себе антропологически ориентированная история, рассматривающая коренные народы как активных субъектов исторического процесса [3; 10; 17]. В её рамках изучаются механизмы сохранения идентичности, роль традиционных институтов (род, община) и системы ценностей коренных сообществ [8; 13; 20]. Все большее значение приобретают постколониальные исследования, позволяющие критически осмыслить асимметрию властных отношений и механизмы конструирования образов «иногородцев» [17; 21; 22].

Важным направлением становится экологическая история, исследующая динамику взаимодействия коренных сообществ с природной средой и историю традиционного природопользования [1; 5; 20]. Современные исследования также обращаются к акторно-сетевой теории и транснациональной истории, позволяющим проследить роль нечеловеческих акторов (олень, реки, тайги) в историческом процессе [1; 5; 10]. Этот методологический синтез открывает новые перспективы для создания полифоничной истории коренных народов, способной преодолеть идеологические клише и узость традиционного позитивизма [2; 6; 18].

Многообразие междисциплинарных подходов и методологических стратегий, обогащающих современные исследования КМН, ставит перед историком сложную задачу интеграции: будучи открытым к диалогу с антропологией, социологией, культурологией и другими науками, исследователь не может ограничиться эклектичным набором методов, но обязан предложить целостную концептуальную рамку, способную представить исторический процесс как связное, внутренне логичное развитие [23; 24; 29]. Именно здесь на передний план выходят классические макроисторические модели — формационный, цивилизационный и модернизацион-

ный подходы, каждый из которых предлагает свой способ осмысления исторической динамики [28; 30]. Формационный подход, восходящий к марксистской традиции, рассматривает историю как закономерную смену общественно-экономических формаций, где определяющую роль играют производственные отношения и способ производства материальных благ. Применительно к коренным народам Севера это означало анализ их развития в категориях «первобытнообщинного строя», «перехода к социализму, минуя капитализм» и т. п., что в советской историографии нередко вело к схематизации, нивелированию культурной специфики и телеологизму, но при этом позволяло выстраивать непротиворечивые макроисторические конструкции. Цивилизационный подход, напротив, фокусируется на уникальности каждой локальной цивилизации, её культурных архетипах, ценностных основаниях и исторической преемственности, что даёт возможность увидеть в коренных сообществах носителей особого типа цивилизованности, обладающих собственной внутренней логикой развития, несводимой к универсальным схемам [22]. Однако его применение к истории народов, не создавших развитой государственности и письменной традиции, сопряжено с риском культурного изоляционизма и затрудняет анализ процессов взаимодействия с внешним миром, колонизации и модернизации [22].

В этих условиях наиболее адекватным исследовательским инструментом для исторической реконструкции развития КМН представляется теория модернизации, которая, сохраняя макроисторическую перспективу, позволяет избежать как жесткого экономического детерминизма формационной схемы, так и культурного эссенциализма цивилизационного подхода [23; 25; 29].

Модернизация понимается здесь как сложный, многовариантный и неравномерный процесс перехода от традиционного общества к индустриальному и постиндустриальному, охватывающий все сферы социальной жизни — экономику, социальную структуру, политику, культуру, повседневность [25; 28; 32]. Для истории коренных народов применение этой теории открывает возможность анализировать их развитие не как пассивное принятие внешних импульсов или однозначно трагическую утрату самобытности, а как сложный, противоречивый и далеко не линейный процесс взаимодействия традиционных структур с вызовами модернизации [23; 26; 27]. Результаты этого взаимодействия определяются не только направленностью и интенсивностью внешних воздействий (государственная политика, промышленное освоение, рыночные отношения), но и внутренней логикой развития самих сообществ, их способностью к селекции, переосмыслению и творческой адаптации привносимых инноваций [26; 27].

Именно модернизационный подход позволяет исторiku удерживать баланс между изучением объективных социально-экономических сдвигов (коллективизация, перевод на оседлость, урбанизация, индустриальное освоение территорий) и анализом субъективных реакций на них — изменений в идентичности, ценностных ориентациях, стратегиях выживания и адаптации [23; 25; 26]. Более того, теория модернизации даёт инструментарий для сравнительного анализа траекторий развития разных народов, выявления общего и особен-

ного в их историческом пути, что особенно важно в условиях колоссального разнообразия природно-климатических условий, хозяйственных укладов и культурных традиций на пространстве Севера, Сибири и Дальнего Востока [23; 27; 31]. Закрепляя этот выбор, следует подчеркнуть, что именно модернизационная парадигма позволяет интегрировать конкретные результаты микроисторического анализа, устной истории и антропологически ориентированных исследований в широкую историческую картину, объясняя, как глобальные процессы индустриальной и постиндустриальной трансформации преломлялись в судьбах локальных сообществ, и как эти сообщества, в свою очередь, своей активностью, сопротивлением или адаптацией влияли на общий ход региональной и национальной истории [23; 29; 32].

Особую актуальность систематизация исторического знания о развитии КМН приобретает применительно ко второй половине XX – началу XXI века – периоду, когда традиционный уклад жизни коренных этносов Восточной Сибири подвергся наиболее интенсивным и противоречивым воздействиям, связанным с масштабным промышленным освоением региона, строительством каскада ангарских и енисейских гидроэлектростанций, урбанизацией и трансформацией традиционного природопользования [33; 37]. Стремительное индустриальное развитие Красноярского края и Иркутской области, создание территориально-производственных комплексов и расширение зон промышленной добычи природных ресурсов не могли не затронуть исконную среду обитания коренных народов, поставив перед исследователями сложные вопросы о характере, темпах и последствиях модернизационных процессов для долган, эвенков, тофаларов, ненцев, нганасан и других этносов региона [34; 36].

Закономерно, что сибирские учёные, работавшие в различных дисциплинарных парадигмах, не могли обойти эту тему стороной, сформировав мощный пласт исследований, требующий сегодня историографического осмысления и систематизации. В Красноярске сложилась признанная научная школа культурологов и этнографов под руководством Н.П. Копцевой, исследующая этнокультурную динамику, идентичность и социокультурные трансформации коренных народов Севера в условиях глобализации и промышленного освоения [35]. Фундаментальный вклад в изучение современных этнических процессов у народов Средней Сибири внес В.П. Кривоногов, чьи многолетние полевые исследования тофаларов, кетов, эвенков и других народов зафиксировали демографические сдвиги, изменения в социальной структуре и идентичности на рубеже тысячелетий [36].

В Братском государственном университете сформировалось самостоятельное научное направление, у истоков которого стоял профессор В.И. Сверчков, чьи исследования межнациональных отношений и социальных процессов в Восточной Сибири заложили основы для последующего историко-социологического анализа этнических процессов в регионе [38]. Именно В.И. Сверчков предложил своему ученику В.А. Кудашкину тему, связанную с изучением КМН, что определило вектор дальнейших исследований. В работах В.А. Кудашкина,

посвящённых социально-экономическому и культурному развитию КМН Иркутской области и Красноярского края во второй половине XX века, на обширном архивном материале анализируются процессы коллективизации, перевода на оседлость и индустриальной трансформации [37]. Продолжателем этой научной традиции выступил ученик В.А. Кудашкина – А.А. Дюпин, чьи исследования, защищённые в 2025 г., фокусируются на реализации национальной политики советского государства в отношении КМН Енисейского Севера [34].

При всём многообразии научных подходов – от культурологических исследований красноярской школы, работающей в русле философии культуры и искусствоведения, до конкретно-исторических и этнографических изысканий, представленных трудами М.Д. Севрюнова, Н.П. Копцевой, В.П. Кривоногова, В.А. Кудашкина и А.А. Дюпина – автор данной публикации исходит из необходимости систематизации накопленного знания в рамках единой теоретической перспективы.

Наиболее адекватным инструментом для этой цели представляется теория модернизации в её современной интерпретации, восходящая к работам Ш. Эйзенштадта, рассматривавшего модернизацию как множественный, вариативный процесс, результаты которого определяются спецификой культурного контекста и исторического опыта конкретных сообществ [39]. Особую значимость для анализа постсоветского периода приобретает концепция «третьего модерна», разработанная В.Г. Федотовой, которая позволяет осмыслить современные трансформации КМН в контексте глобализации, информационной революции и поиска новых моделей идентичности, сочетающих традиционные ценности с вызовами постиндустриального общества [40]. Применение этой теоретической оптики дает возможность не только систематизировать разрозненные исследования, но и выявить общую логику развития КМН Средней Сибири, понять, как глобальные модернизационные процессы преломлялись в локальных условиях Красноярского края и Иркутской области, и как сами КМН своей активностью, адаптацией или сопротивлением влияли на региональную динамику.

Перед автором настоящего исследования стояла сложная методологическая задача: несмотря на качественное изменение исторических периодов – позднего социализма (вторая половина 1980-х – 1991 г.), постсоветского транзита 1990-х гг. и современного этапа (2000–2020) – выработать единый и универсальный измерительный инструментарий, позволяющий корректно сопоставлять процессы развития КМН Средней Сибири на всем протяжении изучаемой эпохи. Решение этой задачи потребовало не только концептуальной последовательности, но и учёта того обстоятельства, что сам автор на протяжении четверти века последовательно осмыслял данные процессы, и его научная эволюция стала неотъемлемой частью исследовательской оптики, позволяющей увидеть динамику изучаемых явлений в неразрывной связи с развитием методологических подходов и накоплением эмпирического знания. Именно такой долговременный исследовательский горизонт даёт возможность зафиксировать не только внешние социально-экономические трансформации, но и глубинные сдвиги в идентичности, ценностных ори-

ентациях и стратегиях адаптации коренных сообществ, проходящих через смену государственных парадигм, экономических укладов и культурных ориентиров.

На протяжении своей методологической эволюции, автор последовательно фокусировался на анализе социальных отношений КМН Средней Сибири в контексте реализации государственной национальной политики, рассматривая политическое и общественное развитие этнических сообществ в неразрывной связи с культурными трансформациями, порождаемыми внешними модернизационными импульсами. В центре исследовательского внимания неизменно находилось жизнеобеспечение коренных этносов – та сложная система хозяйственных практик, социальных связей и культурных механизмов, которая обеспечивает физическое и духовное воспроизводство народа в условиях суровой природной среды и стремительных исторических перемен. Принципиальным теоретическим основанием работы выступало понимание государства как главного актора модернизации, инициирующего и направляющего преобразования, которые коренным образом меняли традиционный уклад жизни северных сообществ. Однако вопрос о характере этих изменений не имел однозначного ответа и требовал тонкого аналитического различения: шла ли речь об интеграции коренных народов в единое социально-экономическое и культурное пространство страны или об их адаптации к навязываемым извне условиям? Проведённое исследование показало, что сами сообщества отнюдь не были пассивны в этом процессе – они осуществляли осознанный или стихийный выбор стратегий взаимодействия с государством и рынком, причём традиция и модернизация отнюдь не всегда выступали как непримиримые антагонисты.

Ключом к пониманию их сосуществования служило различение линейной и парциальной (частичной) модернизации: если первая предполагала последовательное и тотальное замещение традиционных институтов и практик современными, то вторая допускала возможность избирательного освоения инноваций при сохранении фундаментальных основ традиционного мировоззрения и социальной организации. Именно парциальная модернизация, как показал анализ конкретного исторического материала, оказалась наиболее адекватной моделью для описания реальных процессов, происходивших в среде коренных народов Средней Сибири, где элементы нового уклада переплетались с устойчивыми традициями, создавая уникальные гибридные формы жизнеобеспечения, сохранявшие этническую идентичность даже в условиях глубочайших социальных трансформаций.

Государство на всём протяжении советского и постсоветского периода выступало главным актором, определявшим траекторию развития КМН, однако характер, методы и последствия его воздействия претерпели глубокую эволюцию, отражающую смену самих оснований государственной идеологии и практики. В советскую эпоху государство представало как сила, осуществляющая тотальную и преимущественно принудительную модернизацию, движимая идеологизированным этатизмом и верой в возможность форсированного преодоления «отсталости» через классово-национальный подход. Оно целенаправленно создавало институты-

посредники – «красные чумы», школы-интернаты, «центры оседания» – призванные разрушить традиционный уклад кочевой жизни, интегрировать коренные народы в индустриальное социалистическое общество и сформировать новую, унифицированную культурную идентичность. Парадоксальным образом, проводя политику ликвидации безграмотности и создавая письменность для ранее бесписьменных этносов, государство одновременно выступало и творцом, и разрушителем культуры: оно формально фиксировало языковые нормы, но подрывало живую традицию их бытования, заменяя естественную межпоколенческую передачу знаний идеологически выверенным школьным образованием. Коллективизация традиционного хозяйства, перевод кочевников на оседлость, урбанизация – все эти меры, обосновывавшиеся необходимостью преодоления «экономической и культурной отсталости», на практике вели к подрыву основ традиционного природопользования, социальной дезорганизации и формированию феномена «поселковой ментальности» с её патерналистскими ожиданиями и утратой навыков автономного существования в природной среде.

С распадом СССР государственная политика вступила в новую фазу, характеризующуюся амбивалентным симбиозом правового прогресса и ресурсно-управленческого прагматизма. Формально современное российское государство декларирует приверженность международным стандартам защиты прав коренных народов, концепциям устойчивого развития и сохранения культурного наследия, что находит выражение в законодательном закреплении территорий традиционного природопользования, поддержке этнических некоммерческих организаций и развитии этнотуризма. Однако на глубинном уровне политика остается подчиненной интересам макроэкономики и логике промышленного освоения территорий, в результате чего декларируемые права коренных сообществ нередко вступают в противоречие с интересами добывающих корпораций и государственных монополий.

В этих условиях государство выступает одновременно как арбитр и заинтересованная сторона, пытаясь балансировать между сохранением традиционного образа жизни и доступом к природным ресурсам, что порождает парциальную модернизацию. В отличие от советского тотального преобразования, современная политика допускает частичное сохранение традиций, но лишь пока они не препятствуют стратегическим экономическим проектам. Государство остаётся ключевым фактором, формирующим внешние условия и внутренний мир коренных народов, включая идентичность и ценностные ориентации. При этом в позднесоветский и постсоветский периоды государство порождает гибридную идентичность, где декларируемое возрождение традиции нередко оборачивается её конструированием под запросы этнотуризма, что ставит вопрос о границах аутентичности.

Исходя из понимания государства как главного актора модернизации, автор выработал конкретный исследовательский инструментарий для перехода от макрообобщений к анализу реальных социальных процессов. Системный метод позволил рассматривать государственную политику как целостный комплекс воздей-

ствий на традиционное общество. Историко-генетический метод дал возможность проследить эволюцию стратегий выживания коренных народов от пассивного сопротивления в советский период до активного использования новых правовых возможностей в постсоветский. Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить траектории адаптации разных этнических групп (тофаларов, эвенков, долган, ненцев). Институциональный анализ был применён для изучения гибридных социальных форм, возникавших на пересечении государственных инициатив и традиционных структур (колхозы, «красные чумы», современные родовые общины). Микроисторический анализ дал возможность зафиксировать невидимые на макроуровне процессы и увидеть в коренных сообществах активного субъекта исторического действия. Именно такое сочетание подходов позволило раскрыть диалектику принуждения и выбора, традиции и инновации, адаптации и сопротивления.

Обсуждение. Предложенный автором концепт адаптационно-гибридной модернизации представляет собой теоретическую конструкцию, призванную преодолеть ограниченность классических моделей, описывающих взаимодействие традиционных обществ с модернизационными импульсами исключительно в категориях либо полного разрушения традиции, либо её тотального сопротивления и консервации. В основе этого концепта лежит философское признание того, что исторический процесс никогда не разворачивается как чистая, линейная смена одного уклада другим, но всегда реализуется через сложную диалектику взаимодействия, взаимопроникновения и взаимной трансформации старого и нового.

Адаптационно-гибридная модернизация понимается как такой способ существования традиционных обществ в условиях форсированных внешних преобразований, при котором они не отвергают целиком навязываемые инновации и не принимают их пассивно, но избирательно, селективно осваивают те элементы нового, которые могут быть встроены в сохраняющуюся матрицу традиционных социальных связей, хозяйственных практик и ценностных ориентаций. При этом сам процесс адаптации неизбежно трансформирует и то, что адаптируется, и то, к чему адаптируются: традиционные институты и практики, включаясь в новый контекст, обретают изменённые формы и функции, а внешние модернизационные воздействия, преломляясь через призму традиционного мировоззрения и социальной организации, реализуются на практике иначе, чем предполагали их инициаторы. Результатом становится возникновение устойчивых гибридных образований – в экономике (коллективные хозяйства, сохраняющие родовые принципы организации), в социальной структуре (общины, действующие в правовом поле рыночного законодательства), в культуре (фольклорные коллективы, воспроизводящие традицию в формах, востребованных современной индустрией досуга), в идентичности (сочетание советского/российского патриотизма с этническим самосознанием). Философская глубина этого концепта заключается в признании того, что подлинная историческая реальность всегда богаче любых теоретических схем и что модернизация традиционных

обществ есть не уничтожение одного и торжество другого, а бесконечно сложный, многовариантный и открытый процесс взаимного приспособления, в котором обе стороны – и государство как агент преобразований, и коренные сообщества как их объекты-субъекты – вынуждены изменяться, учиться, искать компромиссы и тем самым творить новую, не предусмотренную никакими проектами социальную реальность. Адаптационно-гибридная модернизация, таким образом, выступает не как временное, переходное состояние между традицией и современностью, а как устойчивый, самовоспроизводящийся способ бытия традиционных обществ в условиях перманентного модернизационного давления, способ, который позволяет им сохранять свою идентичность, не выпадая из общего исторического потока, идти в ногу со временем, не теряя связи с прошлым.

Наиболее рельефным примером, позволяющим продемонстрировать действие адаптационно-гибридной модернизации как универсального объяснительного инструмента, применённого к различным культурно-бытовым типам хозяйства КМН Средней Сибири, выступает трансформация традиционных форм организации труда и жизнеобеспечения под воздействием советской и постсоветской государственной политики. Для таёжных охотников и оленеводов-тофаларов, горно-таёжных эвенков и арктических оленеводов-долган, несмотря на все различия в хозяйственных циклах, природной среде и культурных традициях, можно выявить единую логику адаптационного процесса. В советский период государство повсеместно инициировало создание коллективных хозяйств (колхозов, а позднее – коопзверопромхозов и госпромхозов), которые формально должны были заменить традиционные родовые структуры, но на практике вступили с ними в сложное взаимодействие, породив гибридные формы организации труда.

Анализ конкретных ситуаций показывает, что в этих новых институтах традиционные социальные связи (родственная взаимопомощь, авторитет старейшин, навыки коллективной охоты и выпаса) не исчезали бесследно, а переплетались с советскими производственными нормами, создавая устойчивые симбиотические структуры, обеспечивавшие не только выполнение плановых заданий, но и сохранение элементов традиционного уклада в изменённых условиях. Оленеводческие бригады в Тофаларии и на Таймыре комплектовались по родственному принципу, сохраняя внутреннюю иерархию и распределение обязанностей, унаследованные от родовой организации, при этом формально являясь структурными подразделениями совхозов. Институциональный анализ фиксирует, что «красные чумы» и школы-интернаты, создававшиеся для разрушения традиционной социализации и приобщения детей к советской культуре, в реальности нередко становились пространством, где происходило неосознанное воспроизводство этнических практик и ценностей в новой, адаптированной форме.

Микроисторический анализ семейных стратегий позволяет увидеть, как в позднесоветский период многие семьи коренных народов вырабатывали сложные модели поведения, сочетавшие работу в государствен-

ных хозяйствах (обеспечивавшую гарантированный доход и социальные блага) с сохранением традиционных промысловых практик в личных хозяйствах, охотой и рыболовством для собственного потребления и неформального обмена. Сравнительно-исторический анализ выявляет, что при всех различиях в конкретных формах (у долган и ненцев – преимущественно оленеводство, у эвенков – сочетание оленеводства с охотой, у тофаларов – горно-таёжная охота) общая логика адаптации оказывалась сходной: государственные проекты, направленные на унификацию и модернизацию, наталкивались на устойчивость традиционных социальных структур и культурных практик, порождая не линейное замещение старого новым, а сложные, многовариантные гибридные формы. В постсоветский период эта логика получила новое развитие, когда формаль-

ное возрождение родовых общин в условиях рыночной экономики привело к появлению ещё более сложных гибридов, сочетающих элементы традиционной организации, советского опыта коллективного хозяйствования и новых правовых и экономических реалий. Таким образом, концепция адаптационно-гибридной модернизации, опирающаяся на комплексный методологический инструментарий, позволяет не просто описывать отдельные факты, но выявлять глубинную логику социальных процессов, единую для различных культурно-бытовых типов хозяйства, и объяснять, как и почему, несмотря на все усилия государства по унификации и преобразованию традиционных обществ, они продолжают воспроизводить свою специфику в новых, подчас неожиданных формах.

Литература

- Андерсон Д.Г. Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган / Д.Г. Андерсон; пер. с англ. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 248 с.
- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок; пер. с фр. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 256 с.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии / С.И. Вайнштейн. М.: Наука, 1991. 296 с.
- Гинзбург К. Сыр и черви: картина мира одного мельника, жившего в XVI веке / К. Гинзбург; пер. с итал. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
- Головнёв А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор / А.В. Головнёв. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б.О. Долгих. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
- Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 / В.Н. Земсков. – М.: Наука, 2005. – 306 с.
- Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм: сущность и проблематика / В.И. Козлов. М.: Старый сад, 1999. 343 с.
- Кром М.М. Историческая антропология / М.М. Кром. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2010. 214 с.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс; пер. с фр. М.: Наука, 1985. 536 с.
- Мельникова Л.В. Тофы: историко-этнографический очерк / Л.В. Мельникова. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 304 с.
- Петри Б.Э. Карагасский суглан / Б.Э. Петри. Иркутск: Власть труда, 1926. 39 с.
- Пивнева Е.А. Коренные народы Приамурья: традиции и современность / Е.А. Пивнева. Хабаровск: Изд-во Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, 2013. 224 с.
- Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И.В. Побережников. М.: РОССПЭН, 2006. – 312 с.
- Савельева И.М. Теория и методология истории / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: ГУ-ВШЭ, 2008. 368 с.
- Соколова З.П. Народы Севера: выживание в условиях глобализации / З.П. Соколова // Этнографическое обозрение. 2000. № 5. С. 3–18.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / В.А. Тишков. М.: Наука, 2003. 544 с.
- Токарев С.А. Истоки этнографической науки / С.А. Токарев. М.: Наука, 1978. 168 с.
- Фуко М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
- Хомич Л.В. Ненцы: историко-этнографические очерки / Л.В. Хомич. М.; Л.: Наука, 1966. 330 с.
- Шнирельман, В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке / В.А. Шнирельман. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 696 с.
- Эткинд А.М. Внутренняя колонизация: имперский опыт России / А.М. Эткинд. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 448 с.
- Эткинд А.М. Внутренняя колонизация: имперский опыт России / А.М. Эткинд. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 448 с.
- Алексеев В.В. Модернизация России: теория, исторический опыт, вызовы современности / В.В. Алексеев, И.В. Побережников // Россия в XX веке: проблемы теории и истории модернизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. С. 3–25.
- Бородкин Л.И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции к прогнозированию / Л.И. Бородкин // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М.: Мосгорархив, 1996. С. 5–22.
- Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР / А.Г. Вишневский. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
- Гавров С.Н. Модернизация во имя империи: социокультурные процессы на окраинах России / С.Н. Гавров. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 224 с.
- Красильщиков В.А. Модернизация: зарубежный опыт и Россия / В.А. Красильщиков // Мир России. 1993. № 3. С. 3–30.
- Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития / В.И. Пантин. М.: Новый век, 1997. 176 с.
- Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы / И.В. Побережников // Экономическая история. Обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. М.: МГУ, 2002. Вып. 8. С. 132–158.
- Поляков Ю.А. Модернизация в России как проблема исторического исследования / Ю. Поляков // Россия в XX веке: проблемы теории и истории модернизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. С. 26–35.
- Федотова В.Г. Модернизация и глобализация: два измерения современного развития / В.Г. Федотова // Философские науки. 2003. № 4. С. 5–27.
- Алексеев В.В. Индустриальное развитие Сибири в XX веке: исторический опыт и уроки / В.В. Алексеев, В.А. Ламин. Новосибирск: Наука, 2005. 320 с.
- Дюпин А.А. Реализация национальной политики советского государства в отношении КМН Енисейского Севера в 1917–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.А. Дюпин. Красноярск, 2025. 26 с.
- Копцева Н.П. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций (на материале Красноярского края) / Н.П. Копцева, К.В. Резникова, В.С. Лузан [и др.]. Красноярск: СФУ, 2012. 640 с.

36. Кривоногов В.П. Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири / В.П. Кривоногов. Красноярск: Изд-во КГПУ, 1998. 320 с.
37. Кудашкин В.А. Социально-экономическое и культурное развитие КМН Иркутской области и Красноярского края во второй половине 1950-х – 1991 гг. / В.А. Кудашкин, С.А. Янюшкин. Братск : ГОУ ВПО «БрГУ», 2009. 172 с.
38. Сверчков В.И. Межнациональные отношения в Сибири: опыт и проблемы (60–80-е гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В.И. Сверчков. Иркутск, 1993. 42 с.
39. Эйзенштадт Ш. Множественные модерности / Ш. Эйзенштадт // Неприкосновенный запас. 2010. № 4 (72). С. 34–48.
40. Федотова В.Г. Модернизация и традиция / В.Г. Федотова // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 80–91.
41. Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития / В. Цапф // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 12–26.
20. Khomich L.V. Nenets: historical and ethnographic essays / L.V. Khomich. M.; L.: Nauka, 1966. 330 p.
21. Shnirelman, V.A. To be Alans: Intellectuals and Politics in the North Caucasus in the 20th Century / V.A. Shnirelman. Moscow: Novoye Literary Review, 2006. 696 p.
22. Etkind, A.M. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience / A.M. Etkind. Moscow: Novoye Literary Review, 2013. 448 p.
23. Etkind A.M. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience / A.M. Etkind. Moscow: Novoye Literary Review, 2013. 448 p.
24. Alekseev V.V. Modernization of Russia: Theory, Historical Experience, and Challenges of Our Time / V.V. Alekseev, I.V. Poberezhnikov // Russia in the 20th Century: Problems of Theory and History of Modernization. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2005. pp. 3–25.
25. Borodkin L.I. Modeling Historical Processes: From Reconstruction to Forecasting / L.I. Borodkin // Circle of Ideas: Models and Technologies of Historical Informatics. Moscow: Mosgorarkhiv, 1996. pp. 5–22.
26. Vishnevsky A.G. Sickle and Ruble: Conservative Modernization in the USSR / A.G. Vishnevsky. Moscow: OGI, 1998. 432 p.
27. Gavrov S.N. Modernization in the Name of Empire: Sociocultural Processes on the Outskirts of Russia / S.N. Gavrov. Moscow: Editorial URSS, 2004. 224 p.
28. Krasilshchikov V.A. Modernization: Foreign Experience and Russia / V.A. Krasilshchikov // Mir Rossii. 1993. No. 3. pp. 3–30.
29. Pantin V.I. Cycles and Waves of Modernization as a Phenomenon of Social Development / V.I. Pantin. Moscow: Novy Vek, 1997. 176 p.
30. Poberezhnikov I.V. Modernization: Theoretical and Methodological Approaches / I.V. Poberezhnikov // Economic History. Review / edited by L.I. Borodkin. Moscow: Moscow State University, 2002. Issue 8. pp. 132–158.
31. Polyakov Yu.A. Modernization in Russia as a Problem of Historical Research / Yu. Polyakov // Russia in the 20th Century: Problems of Theory and History of Modernization. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2005. pp. 26–35.
32. Fedotova V.G. Modernization and Globalization: Two Dimensions of Contemporary Development / V.G. Fedotova // Philosophical Sciences. 2003. No. 4. pp. 5–27.
33. Alekseev V.V. Industrial Development of Siberia in the 20th Century: Historical Experience and Lessons / V.V. Alekseev, V.A. Lamin. Novosibirsk: Nauka, 2005. 320 p.
34. Dyupin A.A. Implementation of the National Policy of the Soviet State towards the Indigenous Minorities of the Yenisei North in 1917–1991: Abstract of a Cand. Sci. (Hist.) Dissertation / A.A. Dyupin. Krasnoyarsk, 2025. 26 p.
35. Koptseva N.P. Indigenous Peoples of the North and Siberia in the Context of Global Transformations (based on the Krasnoyarsk Territory) / N.P. Koptseva, K.V. Reznikova, V.S. Luzan [et al.]. Krasnoyarsk: SFU, 2012. 640 p.
36. Krivonogov V.P. Ethnic Processes among Indigenous Peoples of Central Siberia / V.P. Krivonogov. Krasnoyarsk: KSPU Publishing House, 1998. 320 p.
37. Kudashkin V.A. Socioeconomic and Cultural Development of the Indigenous Minorities of the Irkutsk Region and Krasnoyarsk Krai in the Second Half of the 1950s – 1991 / V.A. Kudashkin, S.A. Yanyushkin. Bratsk: State Educational Institution of Higher Professional Education "BrSU", 2009. 172 p.
38. Sverchkov V.I. Interethnic Relations in Siberia: Experience and Problems (1960s–1980s): Abstract of a Doctor of History Dissertation / V.I. Sverchkov. Irkutsk, 1993. 42 p.
39. Eisenstadt Sh. Multiple Modernities / Sh. Eisenstadt // Neprikosnovenny zapas. 2010. No. 4 (72). Pp. 34–48.
40. Fedotova V.G. Modernization and Tradition / V.G. Fedotova // Knowledge. Understanding. Skill. 2014. No. 2. Pp. 80–91.
41. Zapf V. Modernization Theory and the Difference in the Paths of Social Development / V. Zapf // Sociological Research. 1998. No. 8. Pp. 12–26.

References

1. Anderson, D.G. Tundra Dwellers: Ecology and Self-Awareness of the Taimyr Evenks and Dolgans / D.G. Anderson; translated from English. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1998. 248 p.
2. Blok M. An Apology for History, or the Historian's Craft / M. Blok; translated from French. 2nd ed., supplemented. Moscow: Nauka, 1986. 256 p.
3. Weinstein S.I. The World of Nomads of Central Asia / S.I. Weinstein. Moscow: Nauka, 1991. 296 p.
4. Ginzburg K. Cheese and Worms: The World Picture of a Sixteenth-Century Miller / K. Ginzburg; translated from Italian. Moscow: ROS-SPEN, 2000. 272 p.
5. Golovnev A.V. Tundra Nomads: Nenets and Their Folklore / A.V. Golovnev. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2004. 344 p.
6. Dolgikh B.O. Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century / B.O. Dolgikh. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 622 p.
7. Zemskov V.N. Special Settlers in the USSR, 1930–1960 / V.N. Zemskov. Moscow: Nauka, 2005. – 306 p.
8. Kozlov V.I. Ethnos. Nation. Nationalism: Essence and Problematics / V.I. Kozlov. Moscow: Sary Sad, 1999. 343 p.
9. Krom M.M. Historical anthropology / M.M. Krom. 2nd ed., corrected and enlarged. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2010. 214 p.
10. Levi-Strauss K. Structural anthropology / K. Levi-Strauss; translated from French. Moscow: Nauka, 1985. 536 p.
11. Melnikova L.V. Tofs: a historical and ethnographic essay / L.V. Melnikova. Irkutsk: East Siberian book publishing house, 1994. 304 p.
12. Petri B.E. Karagas loam / B.E. Petri. Irkutsk: Vlast' truda, 1926. 39 p.
13. Pivneva E.A. Indigenous Peoples of the Amur Region: Traditions and Modernity / E.A. Pivneva. Khabarovsk: Publishing House of the Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Grodekov, 2013. 224 p.
14. Poberezhnikov I.V. Transition from Traditional to Industrial Society: Theoretical and Methodological Problems of Modernization / I.V. Poberezhnikov. Moscow: ROS-SPEN, 2006. – 312 p.
15. Savelyeva I.M. Theory and Methodology of History / I.M. Savelyeva, A.V. Poletaev. Moscow: GU-HSE, 2008. 368 p.
16. Sokolova Z.P. Peoples of the North: Survival in the Context of Globalization / Z.P. Sokolova // Ethnographic Review. 2000. No. 5. P. 3–18.
17. Tishkov V.A. Requiem for an Ethnicity: Studies in Socio-Cultural Anthropology / V.A. Tishkov. M.: Nauka, 2003. 544 p.
18. Tokarev S.A. Origins of ethnographic science / S.A. Tokarev. M.: Nauka, 1978. 168 p.
19. Foucault M. Archeology of knowledge / M. Foucault; lane from fr. Kyiv: Nika-Center, 1996. 208 p.